

Российские политзаключенные в 2017-м году: ситуация и тенденции

Правозащитный центр «Мемориал» в течение последних лет ведет списки российских политзаключенных.

Используемое нами понятие «политзаключенного» опирается на Резолюцию ПАСЕ № 1900 (2012). Это, во-первых, те случаи, которые можно описать, отсылая к термину «узник совести», когда уголовное преследование или лишение свободы было применено исключительно из-за политических, религиозных или иных убеждений, а также в связи с ненасильственным осуществлением прав и свобод, гарантированных Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. А, во-вторых, это случаи преследования по политическим мотивам власти, осуществляемые в нарушение права на справедливое судебное разбирательство, иных прав и свобод, гарантированных Международным пактом о гражданских и политических правах или Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, с явным нарушением закона, избирательно, неадекватно общественной опасности деяний или на основании фальсификации доказательств вины.

При этом мы исключаем из числа политзаключенных лиц, применявших насилие против личности или призывавших к насилию по признаку расы, религии, этнической принадлежности и т.п. Это исключение, конечно, не означает, что мы считаем преследование таких лиц безусловно обоснованным и законным или одобряем такое преследование.

Помимо того, списки политзаключенных очевидно неполны так как включает только тех лиц, материалы, связанные с уголовным преследованием которых нам удалось проанализировать и оценить на предмет соответствия нашим критериям. Однако по разным причинам, в частности, в связи с секретным характером преследования по делам о шпионаже, государственной измене и многим делам о терроризме, многие случаи уголовного преследования, имеющие, на первый взгляд, признаки незаконности и политической мотивации, не включены в актуальный список.

Начиная с 2016-го года, учитывая большое количество случаев уголовного преследования в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью, в отношении, в первую очередь, хотя и не исключительно, мусульман, мы публикуем два списка: список лиц, лишенных свободы в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью и список всех остальных политзаключенных.

В понятие «лишение свободы» мы включаем содержание в исправительных учреждениях или в психиатрических лечебных учреждениях по приговору суда, предварительное содержание под стражей или домашним арестом до вынесения приговора.

Таким образом, вне нашей статистики остается огромный массив уголовных политических репрессий, не связанных в данный момент с лишением свободы.

Исходя из вышесказанного, списки политзаключенных ПЦ «Мемориал» являются минимальной консервативной оценкой числа политзаключенных в России и лишь индикатором уровня политических репрессий в целом. Общее количество политзаключенных, вероятно, превышает зафиксированное списками ПЦ «Мемориал» в 2-3 раза.

Тем не менее, эти списки дают возможность составить представление о ситуации и тенденциях ее изменения.

На 10 сентября 2017 года в списке политзаключенных (за исключением преследуемых в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью) 49 человек. В «религиозном» списке – 71 человек. Всего – 120 человек.

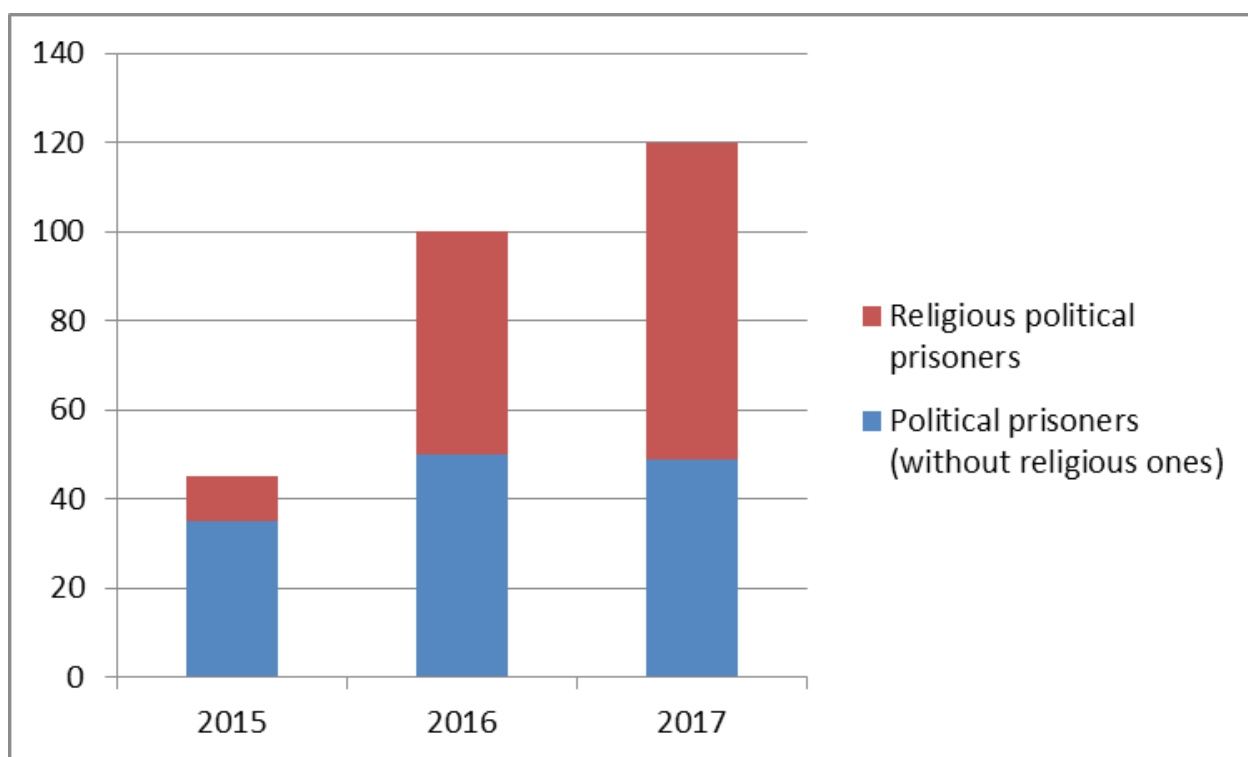

Диаграмма 1

Мы видим, что в течение последних лет количество политзаключенных неуклонно увеличивается, причем, рост происходит за счет лиц, преследуемых в связи с реализацией права на свободу вероисповедания, тогда количество остальных политзаключенных остается более или менее неизменным.

Год назад в «общем» списке политзаключенных было 50 фамилий, а общее количество политзаключенных составляло 100 человек, два года назад – 35 и 45 человек соответственно.

В общем, с учетом вышедших за это время на свободу, число политзаключенных в России в течение последнего года составило 68 человек, включенных в «общий» список, и 77 человек, включенных в список лиц, лишенных свободы в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью, а в целом в списки ПЦ «Мемориал» в течение года была включено 145 человек.

За год, с прошлого сентября, из числа фигурантов «общего» списка политзаключенных на свободу вышли 20 человек (четверо из них были включены в список в течение прошедшего года). Из них 9 человек (**А.Бубеев, А.Гаскаров, А.Изокайтис, Д.Ишевский, И.Непомнящих, Л.Развозжаев, С.Резник, А.Сутуга и С.Удальцов**) полностью отбыли свой срок, двое (**Т. Осипова и Л.Тихонов**) были освобождены по УДО, еще один (**А. Морошкин**) освобожден после применения принудительных мер медицинского характера, троим (**Н.Шарина, Р.Соколовский, И.Житенев**) была отменена мера пресечения, связанная с лишением свободы, трое (**О.Севастиди, А.Кесян, М.Джанджгава**) помилованы, приговор в отношении двоих (**И.Дадина и И.Стенина**) отменен.

К сожалению, список за это время пополнился 15 новыми фигурантами.

Это осужденные к разным срокам лишения свободы или брошенные за решетку в ожидании суда якобы за насилие в отношении полицейских на мирной акции протеста против коррупции 26 марта 2017 года **Дмитрий Борисов, Станислав Зимовец, Дмитрий Крепкин, Юрий Кулий, Алексей Политиков, Александр Шпаков**. Преследование этих людей продолжает линию на запугивание участников мирных публичных акций, ярко проявившуюся в ходе так называемого Болотного дела, двое фигурантов которого, **Максим Панфилов и Дмитрий Бученков** по-прежнему лишены свободы, причем последний – вопреки очевидным доказательствам того, что он не был на Болотной площади Москвы 6 мая 2012 года.

За непризывавшие к насилию публикации и репосты в социальных сетях, содержавшие критику руководства России осужден по обвинению в разжигании ненависти и вражды татарский активист **Данис Сафаргали**. Ранее нами уже были признаны политзаключенными приговоренные к лишению свободы по схожим делам за высказывания в интернете **Рафис Кашапов, Айрат Дильмухаметов, Роберт Загреев, Дарья Полюдова, Алексей Кунгуров, Вадим Тюменцев, Виталий Шишкин**. Эти репрессии направлены на подавление свободы выражения российских граждан.

За пропаганду идеи референдума, никак не связанную с призывами к насилию были осуждены по обвинению в организации деятельности экстремистской организации **Кирилл Барабаш** и **Валерий Парфенов** – к 4 годам, журналист **Александр Соколов** – к 3,5 годам.

По абсурдному обвинению в хранении наркотиков отбывает 3-летний срок лишения свободы независимый журналист **Жалауди Гериев**.

На свободу распространения информации посягает уголовное преследование находящегося под домашним арестом **Дмитрия Богатова**. Он обвиняется в призывах к терроризму и массовым беспорядкам, к которым, очевидно, не имеет никакого отношения, исключительно на основании того, что поддерживал на своем компьютере выходной узел сети TOR.

Жертвами шпиономании, призванной поддерживать позицию государственной пропаганды о «России в кольце врагов», стали обвиненные в государственной измене 77-летний ученый **Владимир Лапыгин**, осужденный на 7 лет за легальный обмен научной информацией с китайскими коллегами, и безработная из Краснодарского края **Инга Тутисани**, осужденная на 6 лет за 2 смс-сообщения гражданину Грузии об увиденных из окна автобуса российских военных кораблях в Абхазии.

Жертвой борьбы государства с избирательными правами граждан стал сотрудник полиции **Алексей Никоноров**, осужденный на 3 года и 7 месяцев по недоказанным обвинениям во взятке, превышении должностных полномочий и незаконном доступе к компьютерной информации за то, что предоставил представителю оппозиции возможность проверить достоверность подписей, собранных за выдвижение списка кандидатов в депутаты.

По необоснованному обвинению в пособничестве гражданину Украины в подготовке несостоявшегося террористического акта к 10 годам лишения свободы приговорен **Максим Смышляев**. Важным мотивом его преследования стало обоснование нагнетания государственной пропагандой антиукраинской истерии. Тот же мотив очевидно прослеживается в делах граждан Украины **Станислава Клыха** и **Николая Карпюка**, осужденных по абсурдным обвинениям в участии в боевых действиях в Чечне к 20 и 22,5 годам заключения соответственно, в делах осужденных по ложному обвинению в терроризме к 10 и 20 годам **Олега Сенцова** и **Александра Кольченко**, осужденного по надуманному обвинению в разбое на территории Донбасса к 8,5 годам **Сергея Литвинова**, отбывающих наказание за участие в киевском Майдане **Андрея Коломийца** и **Александра Костенко**, приговоренного к 8 годам лишения свободы за организацию митинга против оккупации и аннексии Крыма **Ахтема Чийгоза**. Признаки того же политического мотива мы видим в делах *Романа Сущенко, Алексея Сизоновича, Павла Гриба, Валентина Выговского, Виктора Щура*, доступа к материалам дел которых у нас пока нет.

По явно ложному обвинению в изготовлении детской порнографии был взят под стражу руководитель Карельского Мемориала, потративший десятки лет на увековечивание памяти жертв сталинских репрессий правозащитник **Юрий Дмитриев**. В этом деле, как и во многих других, мы, вероятно, видим совпадение интереса местных властей в прекращении неудобной деятельности активиста с курсом государственной пропаганды на шельмование правозащитников.

В интересах местной власти по ложному обвинению в хранении наркотиков осужден на 3 года лишения свободы конфликтовавший защищавший от незаконной застройки права местных жителей московский активист **Сергей Резников**.

Даже представленный выше беглый обзор дел политзаключенных, включенных в список «Мемориала» в течение последнего года, обнаруживает точечный, избирательный характер политических репрессий. Они, с одной стороны, направлены на показательное подавление прав граждан на свободу собраний, на свободу выражения и распространения информации, других конституционных прав. С другой, важным мотивом репрессий зачастую является обоснование уголовными делами тезисов официальной пропаганды. Есть случаи, как очевидный основной мотив преследования – прекращение законной деятельности того или иного общественного активиста. Эти мотивы сочетаются с карьерной и корпоративной заинтересованностью конкретных представителей полиции, следственного комитета и ФСБ. Фактически полное подчинение судебной власти исполнительной обеспечивает в подавляющем большинстве случаев вынесение обвинительного приговора в отношении лиц, ставших жертвами политически мотивированного уголовного преследования.

Инструментами политически мотивированного лишения свободы служат десятки самых разных статей Уголовного Кодекса России. Преследование граждан, находившихся в статусе политзаключенного в течение последнего года, осуществлялось по 45 статьям УК РФ.

Соотношение различных статей УК, применявшихся для политически мотивированного лишения свободы (за исключением преследуемых в связи с реализацией права на свободу вероисповедания) отражено на Диаграмме 2:

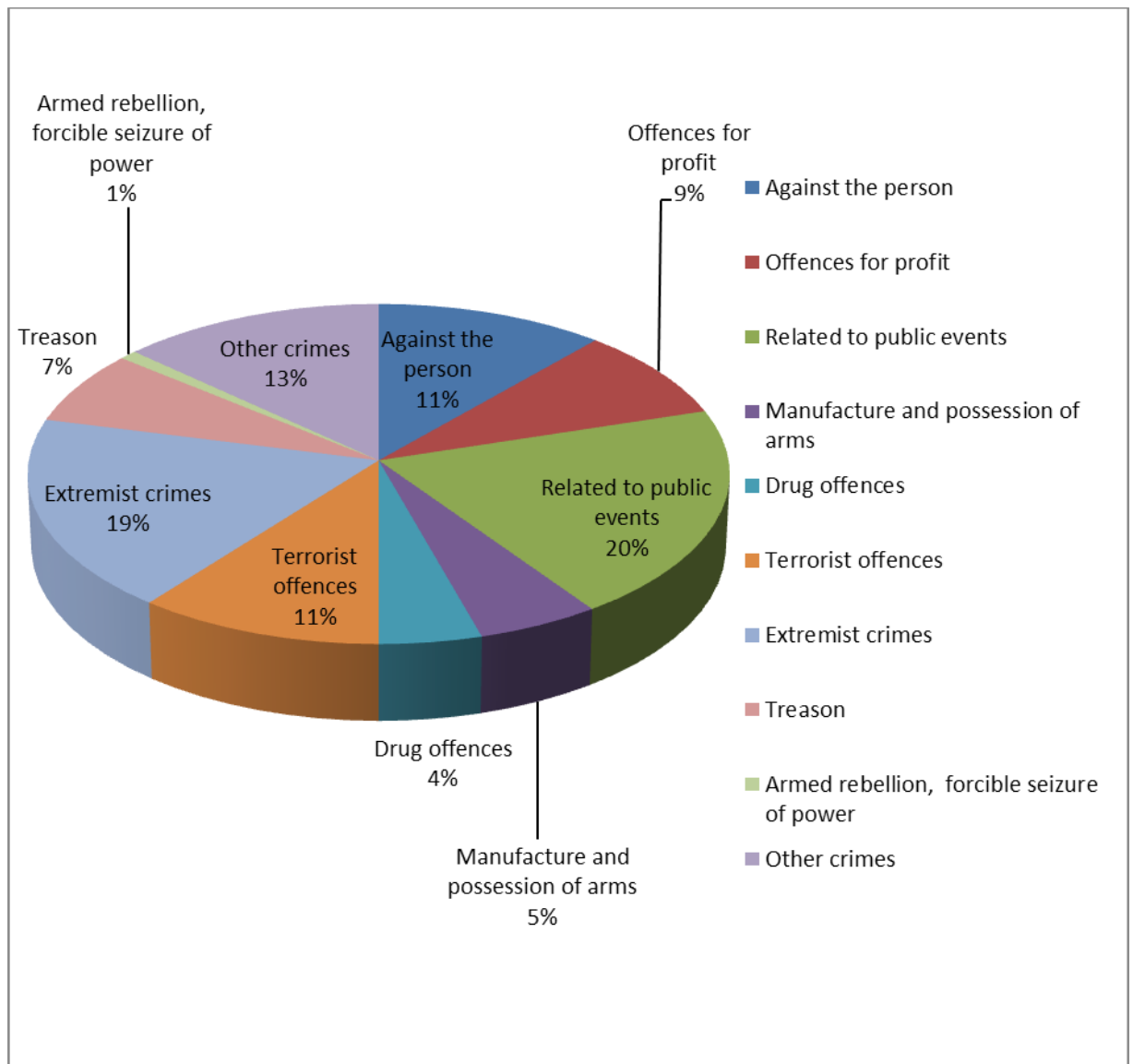

Диаграмма 2

Наиболее массово, в 23 случаях, применялись статьи, так или иначе связанные с публичными мероприятиями (массовые беспорядки, насилие в отношении представителя власти), что связано с массовостью «Болотного дела» и «Дела 26 марта»; в 21 случае, в основном, связанном с публикациями в интернете, – группа «экстремистских» статей; в 13 случаях – обвинения, связанные с убийствами, телесными повреждениями, побоями; в 12 – обвинения, связанные с терроризмом; в 10 случаях – в корыстных преступлениях; в 8 – обвинения в государственной измене; в 6 и 5 случаях соответственно – обвинения, связанные с оружием и наркотиками. Еще 12 статей УК применялись в 1-3 делах.

Первые две позиции вполне объяснимы, так как именно уличные акции и свободный интернет рассматриваются властями как основные угрозы, требующие противодействия средствами уголовных репрессий. Кроме того, исключительная размытость норм

антиэкстремистского законодательства позволяет, опираясь на готовых обосновать все, что угодно экспертов, толковать его максимально широко.

В целом же, такое разнообразие фальшивых обвинений в политически мотивированных делах затрудняет, конечно, целостное восприятие ситуации с политическими репрессиями и требует тщательного анализа каждого дела. Зачастую к очевидно надуманным политическим обвинениям силовые структуры для убедительности добавляют сфабрикованное чисто уголовное обвинение (как это было с хранением оружия у **А.Костенко**, хранением наркотиков у **А.Коломыйца** или обвинениями, связанными с участие в драке у **Д.Сафаргали**).

Иной состав статей УК используется для лишения свободы в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью, отраженный на Диаграмме 3.

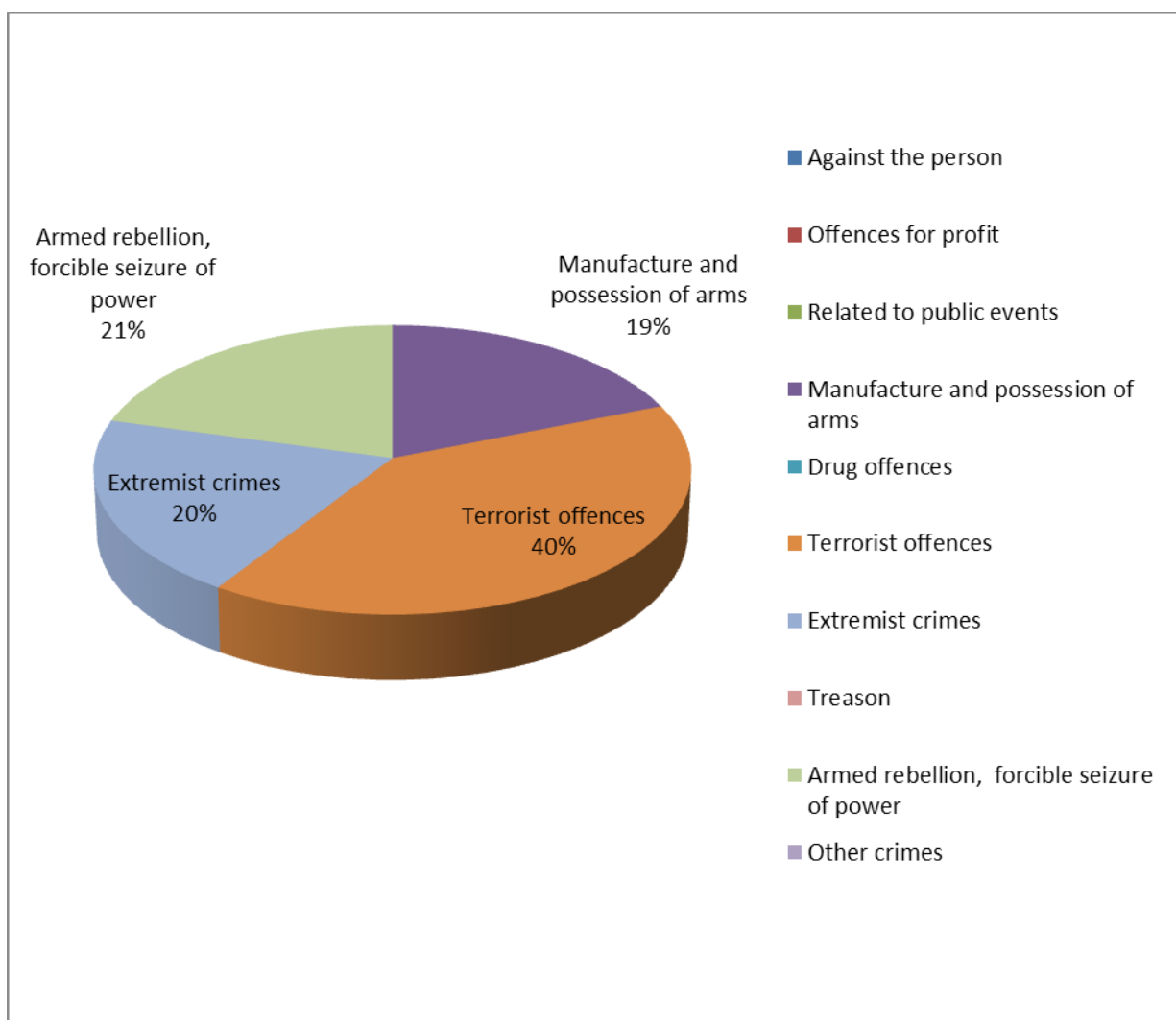

Диаграмма 3

Больше половины лишенных свободы лиц из этого списка политзаключенных обвиняются в участии в партии Хизб ут-Тахрир аль-Ислами. Поскольку в Российской Федерации, единственной из всех стран мира, эта партия объявлена безо всяких оснований террористической, обвинение их

в террористическом преступлении, грозящем наказанием от 10 до 20 лет лишения свободы, не составляет никакого труда. Само участие в совместных обсуждениях политико-религиозной доктрины, не связанное с подготовкой каких-либо действий, тем более, с планами насильственных действий, оказывается достаточным для обвинительного приговора. Это объясняет массовый характер применения (в 40% дел) террористических статей к политзаключенным включенным в «религиозный» список.

Кроме того, в последние несколько лет все чаще обвиняемым в членстве в Хизб ут-Тахрир в случае, если они отказываются от признания вины и «сотрудничества со следствием» предъявляется обвинение в приготовлении к насильственному свержению конституционного строя, причем обвинение это основывается исключительно на анализе теоретической доктрины Хизб ут-Тахрир и не связывается ни с какими действиями. Именно этим объясняется предъявление в 21% случаев таких обвинений.

Предъявление в 19% случаев обвинений в хранении и изготовлении оружия связано всего с одним групповым делом, по которому 15 мусульман, как мы полагаем, безо всяких оснований были осуждены якобы за приготовление к теракту, причем оружие и взрывчатка были им подброшены.

В остальных 20% случаях обвинения относились к экстремистским статьям УК. В частности, по ним преследуются последователи турецкого богослова Нурси, а с 2017-го года и Свидетели Иеговы, один из которых, гражданин Дании **Деннис Кристенсен** содержится под стражей.

Можно полагать, что мотивами репрессий в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью являются как желание пропагандистского обоснования реальности террористической угрозы и демонстрации «борьбы с международным терроризмом», подавление независимых, хотя и не представляющих реальной общественной опасности объединений (практикуемое не только в отношении религиозных групп), так и корпоративные интересы отчетности соответствующих силовых органов. В некоторых случаях, как, например, при преследовании в Башкортостане правозащитника **Рустема Латыпова** и активиста **Линара Вахитова**, обвиняемых в членстве в Хизб ут-Тахрир, можно предполагать и мотив прекращения законной общественной деятельности жертв преследования.

Следует выделить преследование по обвинению в членстве в Хизб ут-Тахрир жителей Крыма, поскольку в Украине эта организация легальна, а само преследование ее членов Крыму становится дополнительным инструментом давления на крымскотатарское население. В настоящее время в «религиозном» списке ПЦ «Мемориал» фамилии только 4 осужденных жителей Крыма: **Руслана Зейтуллаева, Ферата Сайфуллаева, Рустема Ваитова** и **Юрия Примова**, - но гораздо больше таких уголовных дел пока еще в процессе изучения нами.

Оценивая тенденции, связанные с политически мотивированным лишением свободы, помимо роста числа политзаключенных за счет увеличения числа преследуемых в связи с реализацией права на свободу вероисповедания и религиозной принадлежностью следует отметить ужесточение преследований.

При всей условности оценки уровня жестокости преследований по среднему сроку лишения свободы, к которому приговорены осужденные политзаключенные, включенные в список, определенным индикатором она выступать может.

Так, год назад средний срок осужденных политзаключенных, включенных в «общий» список (не считая двоих, осужденных пожизненно), составлял примерно 5 лет и 3 месяца, а в настоящее время он составляет уже около 6 лет и 2 месяцев. Ухудшение ситуации с политзаключенными, включенными в «религиозный» список еще драматичнее: средний срок лишения свободы у них вырос с 6 лет 7 месяцев год назад до 8 лет 7 месяцев в настоящее время.

Тем не менее, практика последнего года показывает, что массовое публичное давление на власти РФ способно принести результат, по крайней мере, в наиболее вопиющих случаях политически мотивированного уголовного преследования.

За прошедший период:

- была в значительной степени дезавуирована Конституционным судом РФ антиконституционная ст.212.1 УК РФ, предусматривающая наказание за «неоднократное нарушение порядка организации либо проведения публичного мероприятия;

- был отменен приговор, осужденному по этой статье **Ильдару Дадину**;

- был отменен приговор, осужденному за чужой комментарий в социальной сети по статье о публичных призывах к экстремизму **Игорю Стенину**;

- к условному сроку были приговорены видеоблогер **Руслан Соколовский**, обвинявшийся в возбуждении ненависти и оскорблении чувств верующих, и директор библиотеки **Наталья Шарина**, обвинявшаяся в возбуждении ненависти за хранение книг в библиотечном фонде;

- были помилованы осужденные по статье «Государственная измена» за отправку СМС в Грузию жительницы Краснодарского края **О.Севастиди, А.Кесян и М.Джанджгава**;

- прекращено уголовное преследование по антиконституционной статье 330.1 УК РФ, предусматривающей наказание за уклонение от исполнения обязанностей «иностранного агента» **Валентины Череватенко**.

Практически в связи со всеми этими случаями имели место кампании общественного давления внутри России и международного давления на российские власти извне, повлиявшие, как можно полагать, на исход этих дел.

Как инструменты такого международного давления в будущем можно рассматривать:

- Специальное внимание к случаям политически мотивированного уголовного преследования в РФ, особенно к делам политзаключенных требование освобождения лишенных свободы лиц, преследуемых по очевидно сфальсифицированным обвинениям и/или исключительно из-за политических, религиозных или иных убеждений, а также в связи с ненасильственным осуществлением свободы мысли, совести и религии, свободы выражения мнений и информации, свободы мирных собраний и ассоциаций, иных прав и свобод, гарантированных международными обязательствами РФ;.
- Требование отмены антиконституционных и нарушающих международные обязательства РФ норм уголовного права: ст.212.1 УК РФ; ст. 284.1 УК РФ и всех изменений в законодательстве, установивших статус «нежелательной организации»; ст.330.1 и всех изменений в законодательстве, установивших статус организаций, выполняющих функции иностранного агента; ст.282.1 УК РФ;
- Требование конкретизации и сужения законодательного определения и практики применения законодательного определения экстремистской деятельности, а также ст.280, ст.282, ст.282.1, ст.282.2, ст.282.3 УК РФ;
- Наложение персональных санкций на лиц, несущих ответственность за грубые нарушения прав человека, связанные с незаконным политически мотивированным лишением свободы.

С материалами, более подробно освещающими ситуацию с политическими репрессиями и политзаключенными в РФ, в том числе и на английском языке, можно познакомиться на сайте ПЦ «Мемориал» <https://memohrc.org/#programs/40> , сообщить о желании получать новости по этой теме на русском или английском языке можно по адресу press@memohrc.org.